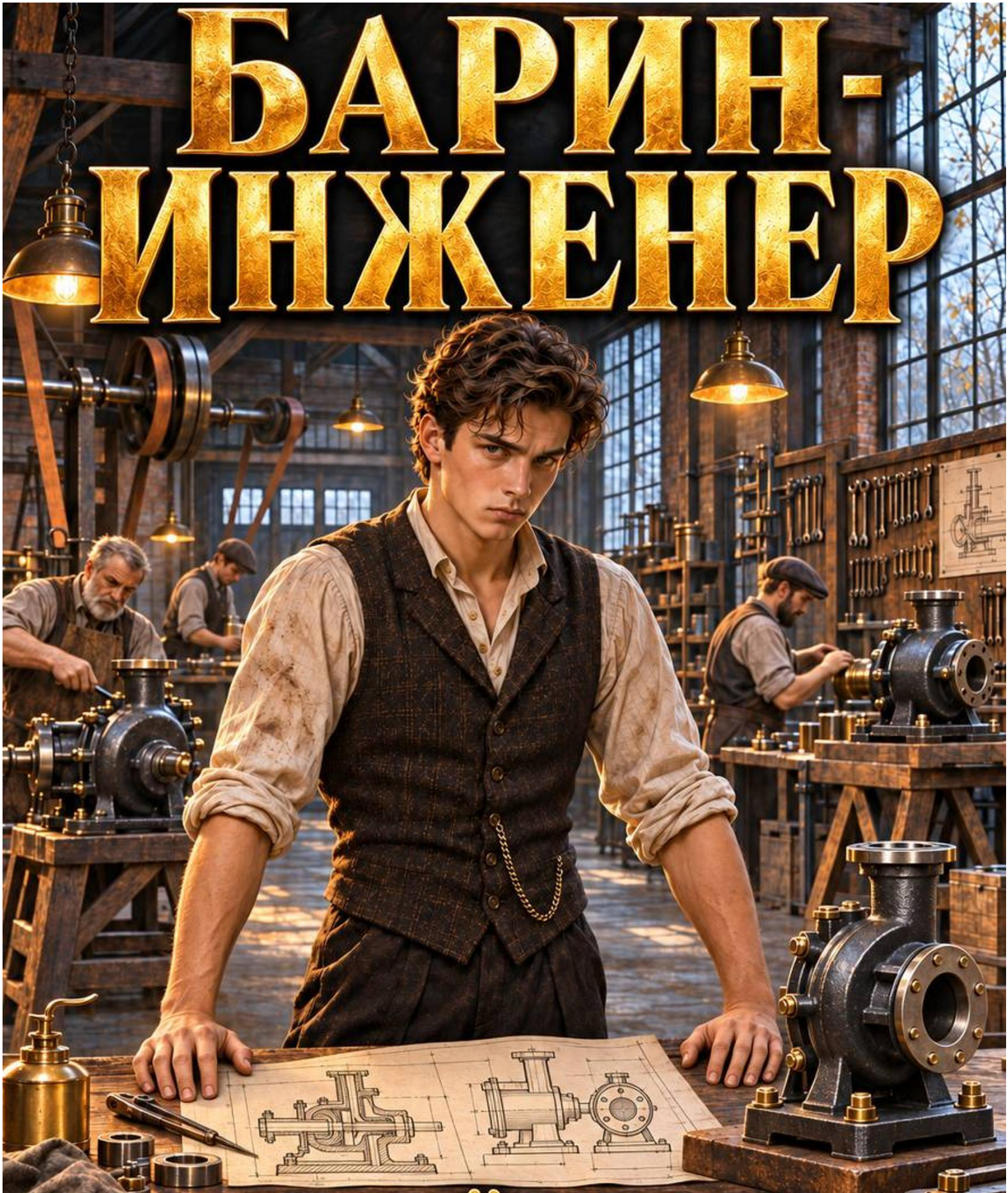
БАРИН-ИНЖЕНЕР

СВОЙ ЦЕХ

ТОМ 5

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Барин-инженер. Том 5. Свой цех

«Автор»
2026

Игнатов И.

Барин-инженер. Том 5. Свой цех / И. Игнатов — «Автор», 2026

Осень 1908 года. Игнатовский завод получает заказ на шесть насосов для Берёзовской артели. Сдать машины нужно до конца ноября, а собирать их попросту негде.Иван решает переоборудовать холодный склад в собственный сборочный цех. Но за старой обшивкой скрываются новые расходы, рабочие получают противоречивые приказы, а каждый потерянный день приближает срыв поставки. Банк ждёт очередного платежа. Сильный конкурент предлагает артели меньшую цену и готов забрать заказ.Знания из другой жизни уже помогли Ивану поднять завод. Чтобы выполнить новый заказ, ему придётся доверить мастерам работу, которую он привык контролировать сам.Новый цех должен заработать раньше, чем закончатся деньги.

© Игнатов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Куда поставить шесть машин 5
Глава 2. Чужие ворота 8
Глава 3. Два новых участка 11
Глава 4. Холодный склад 14
Глава 5. Человек для Фёдора 17
Глава 6. Тридцать тысяч 20
Глава 7. Цена свободного места 23
Глава 8. Два хозяина одной смены 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Илья Игнатов
Барин-инженер. Том 5. Свой цех

Глава 1. Куда поставить шесть машин

— Назад не подавай, — сказал Савельев. — Там человек.

Я поднял руку, хотя ни лошадь, ни возчик не обязаны были знать мои жесты. Повозка остановилась. На её краю лежал корпус задвижки с мельничной плотины, а возле заднего колеса Павел пытался вытащить прижатую доску.

— Руки убери, — сказал я. — Сначала разгрузим.

— Да я только подкладку.

— Вижу. Отойди.

Под навесом лежал прокат. За воротами ждала ещё одна подвода. Если протащить корпус к прежнему сборочному месту, пришлось бы убрать приготовленный Фёдором инструмент и загородить проход к арендованному токарному. Если оставить во дворе, плотинную деталь до вечера зальёт: над городом уже собиралось серое, низкое небо.

Савельев подозвал двух рабочих. Мы перенесли пустую транспортную опору, повернули её вдоль стены и освободили место. Колесо повозки скрипнуло. Я смотрел, как тяжесть понемногу ложится на приготовленные брусья. Раньше хотел бы придержать сам, потом непременно угодил бы пальцами туда, где для них уже не оставалось пространства.

Теперь придерживали люди, которым мастер назначил места.

Когда корпус опустили, у ворот кашлянули.

Вяземский держал дорожный саквояж обеими руками. На правом ботинке прилипла длинная полоса глины. Я вспомнил, что мы ждали его к десяти, и посмотрел на часы. Без пяти.

— Не стану спрашивать, вовремя ли, — сказал он.

— Вовремя. Только пройдём вдоль стены.

Он поднял саквояж повыше и осторожно переступил через край доски. В механику Вяземский обычно не вмешивался, зато тесноту умел оценить без приборов.

— Вам ещё привезут?

— За этой задвижкой к вечеру приедут.

— Я не про эту. Вообще.

Из ворот донёсся голос следующего возчика. Вяземский улыбнулся одними губами. Мы прошли в контору.

Софья уже приготовила свободное место. У её стола сидела Надежда Петровна и сверяла номера. Возле чернильницы сохла маленькая лужица: я утром задел флакон рукавом и теперь всякий раз видел, как могло бы выглядеть пятно на чужом письме.

— Софья Михайловна, — Вяземский поклонился. — Поздравить лично не успел.

Она поблагодарила. Он пожал мне руку, поставил саквояж и сел.

— Три машины наши работают. Июньский результат сохраняется, запас пополняем по вашим сведениям. Лобанов прислал ведомость, если пожелаете.

Я пожелал. Он вынул две тонкие тетради. На первой стояло название Берёзовской. Свою запись в старом журнале я узнал по испорченной букве. Писал после длинной смены, сидя на ящике. Теперь эта буква находилась среди чужих аккуратных строк.

— Ещё три нужны? — спросил я.

— Шесть.

Софья перестала перелистывать бумаги.

Вяземский снял перчатки и уложил их рядом.

— Два участка готовим. Решение пайщиков есть. По два рабочих и одному в резерв, как на первом. Воду надо держать к концу ноября. Если ваши подходят, хочу получить предложение.

Чтобы девять действующих машин превратились в пятнадцать, предстояло отлить ещё шесть корпусов, подготовить запас, закупить железо, дождаться очереди к чужой печи и найти свободные рабочие часы. А у нас сейчас даже вход был занят. Я успел увидеть всё это и всё-таки почувствовал удовольствие прежде страха.

— Новые участки Лобанов смотрел?

— Смотрел. Данные привёз. Но по письму все условия не объяснишь. Хотите — приезжайте.

— Хотим, — ответила Софья. — Сначала согласуем обследование.

Она подвинула чистый лист. Вяземский нашёл в саквояже ещё один пакет.

— Есть и другое предложение. Поэтому сразу скажу: я приехал не прежнюю дружбу оплачивать.

— Разумеется.

— И не понимаю пока, где у вас шесть машин собирать. Две здесь, третья там, в проходе? Сегодня ваша задвижка полчаса людям работу держала.

Я мог сказать, что он видел временное неудобство. Вяземскому наверняка часто объясняли временными неудобствами постоянные расходы. Он ждал ответа, глядя мне прямо в лицо.

— Нынешнего места на такую одновременную работу мало, — сказал я. — Готовим отдельный участок.

— Когда готовим?

— Расчёт начали. Сегодня покажу помещение. Срок после осмотра строителем.

Он кивнул. За чертёж, которого ещё нет, отвечать мне пока не предложил.

Мы обсудили два осмотра. Сто восемьдесят рублей за каждый, дорога и жильё отдельно в согласованном пределе. Софья записывала, Вяземский уточнял дни. Кольцов мог ехать со мной пятого; прежний выезд на Пристанские оставался на своём месте. Первое предложение артель ждала к десятому октября. По согласию пайщиков Вяземский обещал вернуться с ответом через день: расходы на новые участки уже утвердили.

— Доронин готов раньше, — сказал Вяземский, когда мы закончили.

Я услышал бы в голосе угрозу, если бы он произнёс это иначе. Но он просто складывал бумаги.

— Кто ведёт их предложение?

— Бекетов. Вы знакомы.

Софья подняла голову. Я аккуратно положил перо, чтобы не посадить ещё одно пятно.

— Знакомы. От чьего имени?

— Товарищества Доронина. Свой процент с продажи. Он это указал.

— Хорошо, что указал.

Вяземский посмотрел на меня.

— Если у вас с ним спор, расскажете отдельно. Мне нужны машины. Доронин их делает.

— Спор не заменит предложения. Привезём своё.

Он встал. Визит занял меньше часа; повозка за это время уехала, но ремонтный корпус всё ещё занимал часть двора. Савельев проводил Вяземского до ворот, показал освобождённый проход. Я остался у окна с пакетом исходных сведений.

В прежней жизни подобное письмо пришло бы в отдел, потом в соседний, потом на согласование ко мне. Здесь оно лежало в одной моей руке. От этого шесть машин казались ближе, чем были на самом деле.

* * *

— Только без «уже взяли», — сказал Савельев.

Я нашёл его возле задвижки после обеда.

— Мы ещё не обследовали.

— Поэтому и говорю. Вы когда радуетесь, у вас взгляд сразу на свободных местах задерживается. А места могут оказаться заняты завтра.

Фёдор принёс сентябрьский рисунок. Вчера мы смотрели его новую проверочную подготовку, оставляли на первом октябрьском листе время. Теперь он положил эскиз поверх толстой доски, прижал угол ключом.

— Здесь оставлять нельзя, — сказал он, показывая сборочную установку. — Каждую неделю разбирать придётся.

— Холодный склад, — сказал Савельев.

Я поднял голову.

— Под крышей там выше. У задней стены. Только всё вынести надо.

Мы пошли втроём. Дверь пришлось поддеть снизу, потом Савельев велел Павлу ещё до вечера поправить петлю. Внутри пахло пылью, мокрым деревом и старой смазкой. Узкая полоска света лежала на крышке ящика; дальше громоздились транспортные брусья и то железо, которое редко требовалось, но всякий раз мешало выбросить себя окончательно.

Фёдор шагнул в свободное место и поднял руку, примеряясь к высоте.

— Здесь можно поднимать.

— Под что подвесишь? — спросил Савельев.

Парень опустил руку. Мастер постучал по стойке.

— Пока на это не рассчитывай. Пусть плотник вскрывает, потом нагрузку смотрим.

Я раскрыл дверь шире. Со двора заскрипела телега, из старого помещения доносился уверенный, уже привычный звук станка. Отдельный сборочный цех выглядел сейчас как холодная комната с чужим вчерашним хламом. Чтобы изменить это впечатление, было мало вывести на бумаге прямоугольник.

— Сюда бы свет, — сказал Фёдор.

Я взял его рисунок.

— Завтра пригласим человека смотреть. Сначала узнаем, что здесь можно сделать.

На улице начинал моросить дождь. Я вернулся в контору. Софья приготовила дорожные расходы, Надежда Петровна ушла к назначенному часу. Внизу нового листа было свободно.

Я написал: «Шесть Н-4Р». Задержался, дописал рядом: «После обследования».

Софья прочла через плечо и положила возле моего локтя ключ от Садовой.

— Этот тебе тоже сегодня понадобится.

Я улыбнулся, спрятал ключ и убрал лист в шкаф. В дороге до дома рассказал ей про холодный склад. Она спросила, где будут держать её заводские счета во время стройки. Я уже открыл рот, собираясь назвать наш домашний стол, встретил её взгляд и начал объяснять про конторский шкаф.

До Садовой мы дошли, смеясь. За окном нашего этажа горел свет: хозяйка по просьбе Софьи оставила лампу. На секунду я увидел его так, как видел бы со стороны усталый рабочий, которому в этот вечер есть куда вернуться.

Потом Софья потянула меня за руку к ступеням.

Глава 2. Чужие ворота

Приглашение мне принёс мальчишка с обкусанным карандашом за ухом. Пока я читал, он рассматривал нашу табличку и шевелил губами.

— Давно читать научился? — спросил я.

— Давно. А это не слово. Тут имя.

Я отдал ему ответ. В четыре буду. Мальчишка сунул лист под куртку и побежал к воротам, успев предупредить Митю, что на улице лошадь сердитая.

Четвёртого октября я успел закончить дорожные дела до обеда. Григорий Петрович отпустил меня с двумя вопросами по будущей партии, которые предлагал задать хозяину большого предприятия. Оба касались не станков, а людей.

— А почему сам не пойдёте?

— Меня не звали. Да и работу здесь кто-то должен оставить сделанной.

Товарищество Доронина занимало бывший экипажный двор на другой стороне рынка. Над воротами оставались следы старой вывески, но нижнюю доску уже покрасили. Через открытые створки виднелся длинный светлый корпус с тремя высокими окнами. По желобу вдоль стены шла дождевая вода, не касаясь сложенного железа.

Я заметил желоб прежде количества станков. Это был дурной признак для человека, который надеялся сразу найти причину смотреть на соперника свысока.

Доронин встретил меня сам. Он оказался плотным, широколицым человеком с аккуратно подстриженной бородой. Одну пуговицу на манжете заменял узелок чёрной нитки. Руки были чистыми, а ноготь на большом пальце левой — отбитым.

— Иван Алексеевич. Благодарю, что нашли час.

— Вы писали о работе.

— О ней и поговорим. Сначала пройдём? Здесь свободно, пока груз не подвезли.

Он повёл меня через помещение. На ближайшем верстаке слесарь поправлял резец, рядом другой человек размечал небольшую плиту. За спиной стучал привод. Около токарного висела дощечка с тремя названиями деталей. Хозяин не стал подводить меня вплотную; мы остановились там, где не мешали рабочему.

— Шесть насосов в таком объёме делали? — спросил я.

— В один срок больше делали. Этого типа для артели — нет. У нас другие корпуса и свои сменные части. Сейчас подготовлен металл на обычный выпуск.

Мне понравилось, что он не назвал обычным любой возможный заказ. Доронин проследил за моим взглядом.

— Можно посмотреть наружное. Внутреннюю подготовку мастер не покажет, и правильно сделает.

На низких подставках лежали корпуса. Их грубая поверхность ещё не обещала хорошей машины, но подойти к каждому можно было с трёх сторон. Между подготовкой и станками не хранилось ничего, что требовалось бы сначала куда-нибудь унести.

— Помещение строили под сборку?

— Переделывали. Потеряли полтора месяца, пока выбрали, где воду отводить. По первому рисунку всё было прекрасно.

Он усмехнулся, и я тоже. Не все приятные слова о своём предприятии приходилось произносить с торжественным лицом.

У дальнего окна стояла машина в работе. Человек следил за опорой, другой отмечал показание. Я подошёл на разрешённое расстояние, дождался конца записи. Подачу отсюда проверить было нельзя, зато работа выглядела спокойной. Доронин не пытался назвать её доказательством пригодности к новым артельным участкам.

— На другом подъёме что обещаете? — спросил я.

— То, что получим после осмотра. Слышал, вы тоже сначала приезжаете.

— Приезжаем.

— Хорошая привычка. Дорого иногда обходится до подписи, зато после можно спать.

Я вспомнил, как спал в августе после собственной проверки, и не стал соглашаться слишком уверенно.

В конторе ждал Бекетов.

Он поднялся из-за стола. На мгновение я увидел знакомый апрельский поворот головы и почти ощутил, как мало у меня тогда оставалось денег. Сегодня за моей спиной работал мой завод. Это помогло поздороваться ровно.

— Иван Алексеевич. Рад видеть вас в добром здравии.

— Леонид Аркадьевич.

Он подал руку. Я пожал. Здороваться не означало отдавать ему ключ от склада.

Доронин предложил чай. Я попросил воды; после цеха во рту остался металлический привкус, хотя к железу я не прикасался.

— Расскажу прямо, — сказал хозяин. — У вас есть полезная обработка и люди, которые сумели сделать хорошие части. Нам иногда требуется подхватить небольшую очередь. Хочу узнать, что можете брать с настоящим сроком.

Я назвал доступные операции, не упоминая нынешний рисунок будущего цеха. Он уточнил размер и материал. Достал небольшой перечень. Я видел, что работу он действительно мог передать: это не был пустой повод привести меня к себе.

— Материал наш, контроль перед передачей у вас и у нас, — сказал Доронин. — Объём сначала небольшой. По сроку согласуем после того, как ваш мастер посмотрит.

— Так рассмотреть можно.

Бекетов поставил чашку.

— В таком случае и по Берёзовской можно было бы сложить усилия. Знакомство с местными людьми у вас, выпуск у Андрея Ильича. Покупателю удобно, вам заработок без лишнего расширения.

— Чью машину получит артель?

— Товарищества, — ответил Доронин. — С нашим составом поставки. Ваши услуги на месте можно определить отдельно.

Он говорил спокойно. Не предлагал украсть мой чертёж, не требовал завтра отдать завод. Предлагал оставить мне работу, которую я умел делать, и взять на себя ту часть, для которой у него было просторное помещение.

Я задержался с ответом.

В шестьдесят два года предложение без забот о продаже показалось бы мне отдыхом. Зарплата, известный заказчик, понятная ответственность. Здесь мне было девятнадцать, и я всё ещё иногда хотел отдохнуть так, как хотел тот старик. Только сейчас цена отдыха стояла перед глазами: у дальнего окна испытывали чужую машину, и любой следующий покупатель сначала приходил бы в эти ворота.

— Субподряд по обработке готов обсудить отдельно, — сказал я. — По артельному заказу предложение будет от нашего завода.

Доронин кивнул. Разочарования на его лице не появилось.

— Тогда будем сравнивать. Старый комплект у них ваш, это вам помогает. У нас лучше срок и ниже цена.

— После нашего обследования и увидим.

— Именно.

Бекетов наклонился немного вперёд.

— Алексей Николаевич тоже многое хотел делать собственными силами.

Я перевёл взгляд на него.

— Он сейчас не может ответить. Мы говорим о моей работе.

Пальцы Бекетова остановились на ручке чашки. Доронин повернул голову к нему, потом снова ко мне.

— Согласен. О вашей и говорим. Поставку второй пары в сентябре переносили?

— Переносили. Сообщили покупателю. Исправили за свои деньги. Обязательства завершили.

— Причину знаете?

— Знаем. Работу изменили и проверили.

Он кивнул. Вопрос мне не понравился, но задавать его имел право и человек с улицы. Я сам носил нашу табличку на каждую машину, чтобы покупатель знал изготовителя.

— У вас от этого следующие часы дороже станут, — сказал Доронин. — А покупателю хочется прежнюю цену. Трудный разговор.

— Бывает.

— Вот и проверим, кто его лучше проведёт.

* * *

Когда вышли во двор, донёсся звон. На телеге привезли длинный вал, и человек у ворот освободил для него путь заранее. Доронин остановился, спросил мастера, куда положат. Мастер ответил без раздражения. Они явно уже обсуждали это утром.

Я хотел уходить, но хозяин задержал меня.

— Про отца зря вышло. У Леонида Аркадьевича торговая привычка искать короткую дорогу к человеку. Иногда она длиннее обычной.

— Я заметил.

— Условия обработки возьмите. Вашему мастеру есть что спросить — пусть приходит. Без артели тоже работа найдётся.

Он протянул копию перечня. Я взял. Из его рук было легче принять нормальное деловое предложение, чем из рук Бекетова обещание лёгкой победы.

На дороге я остановился у лужи и прочёл ещё раз цены. Ничего оскорбительного. Если бы мне требовались только деньги на ближайшую выплату, за такой лист следовало благодарить.

В конторе нашего завода Григорий Петрович дождался, пока я сниму пальто.

— Видели?

— Видел.

— Чего у них нет?

Я подумал и протянул перечень.

— Наших людей на артели. И общего запаса с тремя уже работающими машинами. По помещению у них лучше.

Он прочёл, позвал Павла показать одну из операций. Фёдор подошёл сам. Вместо вечернего спора о чужом предприятии получился разговор о металле, времени и доступной работе.

Когда закончили, Савельев задержал меня возле двери.

— Хорошо, что на грязь там не надеялись.

— На какую грязь?

— Что придёте, а у них плохо. Тогда вроде можно самим не торопиться.

Я усмехнулся. Мастер ещё раз взглянул на перечень и отдал Фёдору для сверки.

Домой я нёс не чужие недостатки, а очень ясное воспоминание о свободном проходе. В холодном складе утром нужно было прежде всего узнать, выдержит ли крыша. Этот вопрос почему-то теперь казался важнее, чем выражение лица Бекетова за чайным столом.

Глава 3. Два новых участка

У попутчика Кольцова была корзина с живой курицей. Он сел напротив, поставил корзину на колени и предупредил, что птица смирная. Через четверть часа курица протянула голову сквозь прутья и клюнула ремень нашего ящика.

— Железо учуяла, — сказал Кольцов.

Мужчина обиделся за курицу. Объяснил, что кормил её перед дорогой. Я хотел спросить, зачем везёт, но он уже рассказывал сам: дочка вышла замуж, теперь надо помогать обзаводиться хозяйством. Сначала вёз две. Одна убежала на станции.

В Беловске я оставил жену, новый рисунок и Григория Петровича, который просил не возвращаться с шестью обещаниями вместо шести исходных данных. В первый час дороги мне было приятно, что вокруг обсуждают бегство единственной курицы и никто не требует назначения срока.

Кольцов поправил ящик ногой.

— Своим-то сказали, когда вернёмся?

— Седьмого. Ты?

— Тоже. В этот раз обещали ужин оставить. Если опять на день опоздаю, буду сам картошку искать.

Он не жаловался. Я вспомнил, как в мае считал его доступность простым продолжением навыка держать ключ. Человек умел работать и имел дом, в котором ожидали ответа до того, как он уезжал.

У Берёзовской нас встретил Лобанов. На прежнем участке с первого взгляда ничего важного не изменилось: мокрый настил, гул снизу, возчик, уверенный, что другого возчика следовало поставить дальше. Потом я заметил новое ограждение возле прохода и полку, которой в июне ещё не было.

— Сами перенесли, — сказал механик. — На старой рукавом цеплялись. Всё лежит как у вас записано, только человеку ближе.

Он показал запас. Кольцов сверил записи и попросил открыть израсходованный ящик. Я задержался у работающей машины. На её табличке был третий наш номер. За несколько месяцев металл успел покрыться следами чужого обычного ухода. Масло лежало там, где должно, возле соединения сохла капля.

Местный слесарь увидел мой взгляд.

— С утра после проверки. Вытирали. Новая не идёт.

Я подождал. Новая действительно не появилась. Слесарь не стал спрашивать, хорошо ли он сделал, и пошёл за инструментом.

Три наших насоса здесь уже не были событием. Люди строили под их работу следующий месяц. От этого я обрадовался сильнее, чем от похвалы Вяземского.

* * *

До первого нового участка шли по размокшей дороге. Лобанов обещал подводу, но она ещё не вернулась с лесом. Мы предпочли идти. Кольцов взял лёгкий измерительный ящик, я — тетради в кожаном чехле.

— Здесь думают ниже брать? — спросил я, когда вышли к склону.

— Позднее. Для ноября готовим то, что осмотрим. Ниже своим водоотливом придётся заниматься. Я это в первое письмо написал.

— Прочёл. Сначала нынешнее посмотрим.

Участок располагался в стороне от старой выработки. Неглубокие ходы собирали воду в определённое место, выход наверх подготовили. Трубу ещё не закончили, но путь можно было

пройти целиком. Я несколько раз останавливался и просил Лобанова повторить отметки; по памяти выбирать допустимый подъём нам уже доводилось, удачи это не добавляло.

Кольцов проверял доступ к будущим соединениям. В одном месте Лобанов показал красивый прямой участок вдоль стены.

— Здесь поставим.

— А слесарь встанет где?

Механик оглянулся. За его спиной лежал штабель крепёжного леса.

— Лес уберут.

— Запишите, кто и когда. Я здесь потом ключом за человека поворачивать не смогу.

Лобанов усмехнулся, позвал десятника. Тот выслушал, ткнул сапогом в землю и сказал, что к двенадцатому вывезет: на следующую работу этот лес всё равно требовался. Лобанов отметил дату.

Мы спустились к водосборнику. Не пришлось искать загадочной причины неисправности: здесь ещё не было машины, которой можно было бы предъявить счёт за чужую ошибку. Надо было понять будущую работу. Наблюдения артели занимали несколько дней. Мы повторили доступную проверку, сопоставили её с журналом и отдельно обсудили наибольшее поступление.

— Когда промёрзнет, меньше станет? — спросил десятник.

— Может стать, — сказал Лобанов.

— Тогда и цена бы меньше.

— А когда опять прибудет, — сказал Кольцов, — к цене обратно воду прибавлять будете?

Десятник фыркнул. Потом серьёзно спросил, сколько у него останется времени переключить машину, если одна встанет. На этот вопрос мы отвечали дольше.

Ни прежние девяносто кубометров Северной, ни июньская сотня артели не подходили сюда в качестве готового обещания. При том подъёме и общей линии, которые мы сейчас видели, у Н-4Р оставался достаточный рабочий диапазон. Две машины могли выполнять нужный водоотлив с принятым резервом. Обещание требовало сохранить осмотренные условия.

Я показал Лобанову, что нужно закончить до нашего приезда с грузом. Механик добавил в список свой порядок осмотров. Ему предстояло жить с установкой после того, как мы уедем.

Второй участок осматривали утром шестого. Там было просторнее у будущих машин, зато последний подъезд проходил через низкое место. Летняя колея стояла полной воды. Кольцов опустил в неё палку, покачал и вынул почти чёрный конец.

— Насос сюда на колёсах придёт? — спросил он.

Лобанов выругался вполголоса.

— Говорил дорогу поднять.

— Поднять к какой дате?

— Сегодня у управляющего спрошу.

Я сфотографировал бы это место в прежней жизни. Здесь пришлось рисовать, отмечать длину и просить местного человека поставить свою отметку рядом. Мы не могли везти тяжёлую машину на надежде, что к ноябрю земля сама станет твёрже.

* * *

Вечером Вяземский положил перед нами предложение Доронина. Я не просил чужой внутренний расчёт; он показал то, что предназначалось покупателю.

Двадцать восемь тысяч восемьсот рублей за согласованный состав и две очереди. Предварительное предложение после местного осмотра. Машины другого типа, свой комплект сменных частей, обучение предусмотрено. Подъезд артель готовила за свой счёт и там. Бекетов не спрятал половину цены на обороте.

— Дешевле получается, — сказал Вяземский.

— Нашей окончательной цены ещё нет.

— Прежнюю я помню. И теперь предлагаю сразу подумать, где для артели выигрыш.

Лобанов разложил два перечня запаса. На одном были известные его людям обозначения, на другом новые.

— Здесь тоже работать можно, — сказал он, касаясь чужого. — Но три прежние остаются. Ещё одни полки, ещё один человек должен не перепутать. По деньгам чуть дешевле, по хозяйству добавляет.

— Чуть — это тысяча двести, если Игнатов по пять тысяч считает.

Я не успел назвать цену, а Вяземский уже поставил возле неё удобную цифру. Опытный покупатель экономил время продавца таким способом, что продавец начинал работать от чужого предложения.

— Посчитаем весь состав, — сказал я. — За знакомое хозяйство тысячу двести просить без объяснения не будем.

Вяземский кивнул и закрыл папку.

— Тогда до десятого. Со своей стороны подпишем, если решение будет. Очереди у литейщиков ждать нас не станут.

После разговора Лобанов проводил нас до комнаты. В коридоре пахло варёной капустой, за стеной смеялись двое рабочих. Один голос спросил, будет ли новая работа зимой. Другой ответил, что начальство пока только ходит и меряет.

Я стоял с закрытой тетрадью и слушал. Для меня шесть насосов были выпуском, выручкой и новым цехом. Для человека за стеной они могли оказаться возможностью не уезжать в декабре искать случайный заработок. Сказать ему сейчас что-нибудь обнадёживающее было очень легко.

Я ничего не сказал.

Утром седьмого Лобанов принёс подтверждённый перечень местных работ. Подъезд должны были сделать к первой неделе ноября, до отправки второго комплекта; первую станцию готовили раньше. За состоянием воды до приёмки продолжали наблюдать своими людьми. Мы оставили заключения по применимости, получили вторую половину платы за обследование и отправились на станцию.

Курицы в вагоне не оказалось. Кольцов устроил ящик под лавкой и достал хлеб.

— У первого участка человек толковый, — сказал он. — Спросил, как машину в резерв уводить, ещё до того, как её привезли.

— Долго возле воды стоял.

— Видно.

Мы ели молча. За окном тянулось мокрое поле, у насыпи мальчик держал за верёвку тощую корову. Я смотрел на тетрадь и впервые за эту поездку не пытался мысленно разместить все будущие корпуса в нашем старом помещении. В Беловске нас ждал склад, который ещё предстояло открыть как следует.

Глава 4. Холодный склад

Плотник пришёл с тонким железным щупом и первым делом попросил вынести из склада ящик, на который я собирался сесть. На крышке краской было написано: «Годное».

— Это мы ещё посмотрим, — сказал он.

Я поднялся. Он не улыбнулся: название относилось к содержимому, а его занимало дерево под нами. Савельев помог отодвинуть ящик. Из-под него посыпалась труха.

Восьмого октября весь наш расчёт начинался с этого простого движения. Я вернулся из артели накануне вечером, успел поесть, поговорить с Софьей и не стал ночью идти на завод. Утром помещение от этого не сделалось удобнее, зато я хотя бы смотрел на него выспавшимися глазами.

Плотник простукал стойку, полез на приставную лестницу. Савельев держал снизу, хотя тот уверял, что привык сам. Мы с Фёдором стояли в стороне и отвечали на вопросы о тяжестях.

— Вот столько сразу здесь будет?

— Не на перекрытии, — сказал я. — На полу, с отдельной подготовкой под рабочие места. Над людьми ничего тяжёлого хранить не будем.

— А тянуть под крышей?

— Если подтвердите возможность опоры. Нет — отдельное устройство поставим.

Плотник посмотрел на меня внимательнее. Видимо, привык, что от него сначала ждут удобного ответа, а после вспоминают спросить про вес.

Под задней стеной щуп входил в дерево не так, как хотелось. Он показал место мастеру, отметил мелом. В углу кровля когда-то протекала, и старое пятно уходило за обшивку.

— Закрытое вскрывать надо. Пока за него не обещаю. Сначала здесь настил приготовьте, туда ногой не добраться.

— Когда сможете?

— Вы освободите — я людей поставлю. Только у меня они не отсюда появятся. Двое на другом дворе кончают.

Мы назначили порядок. Сначала освобождение прохода и защищённое место для остающегося запаса. Потом временная площадка для вскрытия, проверка скрытых соединений. Только после решения по ним — окончательное устройство под нагрузку. Он записал свои условия на обороте листа и попросил дать чистый, потому что здесь уже имелась моя картинка с очень прямой крышей.

Фёдор принёс верёвку. Натянул её от одного намеченного места до другого, привязал к гвоздю. В образовавшийся проход Павел попробовал внести пустую транспортную опору. На повороте ему пришлось поднять один конец почти к груди.

— С машиной так не получится, — сказал он.

— Поэтому пробуем без неё, — ответил Фёдор.

Они передвинули верёвку. Я посмотрел, сколько полезного места осталось возле стены. На бумаге всё занимало гораздо меньше.

— Две одновременно собрать сможешь? — спросил я.

— Смогу, если подготовленное туда не сложат. И стол для снятого вот здесь. Иначе крышку снова на проход ставить.

Я отметил. Рядом Савельев начертил на пыли будущий путь привода. Старые токарные оставались в своём помещении. Новая сборка не требовала делать вид, будто мы купили ещё один двигатель: подготовку, проверку и тяжёлые операции предстояло развести по доступной мощности. Мастер показал, когда работа стенда будет мешать обычной обработке, если пустить всё сразу.

— Вот эти часы заранее оставим, — сказал он. — Иначе вы опять к приёмке все станки разом захотите.

Я хотел напомнить ему, сколько раз сам запрещал такое. Потом вспомнил про августовские красивые цифры и просто записал.

Корнеев пришёл с Митей. Мальчишка нёс складскую книгу и маленькую скамью. Пётр сел, вытянул ногу удобнее, оглядел наши линии.

— Я здесь принимаемое где отмечать стану?

Фёдор показал место.

— Там вода рядом. Сырые ящики к моему не несите. И принятые части должны отдельно стоять от тех, что только привезли.

— Стеллаж вдоль стены, — предложил я.

— Какая стена сухая?

Плотник кашлянул со своей лестницы. Я убрал карандаш от первого удобного прямоугольника и пошёл смотреть окна.

* * *

После обеда Софья выслушала нас по очереди. На её столе лежало несколько небольших счетов, а не одно большое обещание будущего цеха.

Дерево, крепления, необходимое восстановление пола и рабочих оснований, свет, печь, присоединение проверочной установки, отвод воды. Плотник назвал свой труд отдельно. Часть подготовительных операций могли выполнить наши люди; их дни всё равно занимали время в заводском фонде.

— Это два раза не прибавляем, — сказала Софья, закрывая одну мою строку. — Или человек в обычной ведомости, или отдельная оплаченная работа. Сначала скажи, какой вариант вы согласовали.

Я уточнил. Она зачеркнула лишнее и сложила снова.

Две тысячи четыреста рублей.

У меня в голове эта сумма немедленно разделилась на красивые будущие партии. Я даже успел прикинуть, сколько будет стоить каждая машина после удобного повторения. Софья пододвинула старый сентябрьский остаток.

— Вот чем платим сейчас. Шесть насосов ещё не подписаны.

Семь тысяч шестьсот тридцать пять. В соседних строках — октябрьский банк, ближайшие люди, текущая аренда, заказанные материалы, обязательства по действующему обслуживанию. Свободная часть не была похожа на сумму, которую хотелось сразу вложить в помещение.

— До подписи что можно сделать? — спросил я.

— Разобрать и осмотреть по отдельному пределу. Заказать окончательное устройство — после решения по заказу и осмотру. По закрытому дереву суммы пока нет.

Она не пыталась запретить мне строить. С ней вообще было трудно бороться за право на полезную вещь: она обычно предлагала назвать, кто и когда за неё заплатит.

Мы выделили начальную подготовку и обязательный осмотр. Плотник подтвердил свой день. Полное переустройство оставалось решением, которое ещё предстояло принять.

Фёдор спросил о постоянной оснастке. Я достал сентябрьский рисунок. Его предложение не терялось за стенами: принятые опоры, мерный упор, подготовленное место проверки требовались ровно потому, что в августе мы много раз собирали их заново. Сам способ контроля сохранялся. Экономить собирались на повторной подготовке, а не на том, что один раз показалось удачным.

— На первой тройке не всё вернётся, — сказал Фёдор.

— Знаю.

— Я посчитал. И ещё за изготовление сначала придётся.

Он протянул свой лист. Я сверил с нашим и попросил сохранить исходные часы. Говорить покупателю о выпуске нужно было по работе, которую мы теперь действительно собирались делать.

* * *

Вечером на Садовой я застал Софью у раскрытого окна. Она придерживала ткань, чтобы край не выбивало наружу.

— Подержи здесь. Только руки вымыл?

— Вымыл.

— Тогда держи.

Она перевешивала небольшую занавеску в светёлке. При дневном свете край был удачным, возле лампы становился слишком густым. Мы прикладывали по-разному; в конце она отпустила ткань и села на пол возле сундука.

— Что? — спросил я.

— Теперь нравится. И вдруг ужасно есть хочется.

Я сел рядом. На полу было неудобно, но вставать сразу не хотелось. Софья прислонилась плечом и посмотрела на окно.

— Ты сегодня чуть ли не весёлый пришёл. А ведь денег больше не стало.

— Стало понятнее, на что уйдут.

— Уже праздник.

Я рассмеялся. Она повернулась и поцеловала меня в угол рта, где остался след плохого бритья. Потом потрогала щёку пальцем и велела завтра не торопиться с лезвием.

За ужином я хотел начертить на обороте конверта расположение будущего прохода. Рука сама потянулась к карандашу. Софья подала мне тарелку, и пришлось освободить пальцы.

Потом она рассказывала о своей работе. В чужой сверке нашлась перевозка, учтённая в двух разных основаниях. Обе записи выглядели правильными по отдельности. Она добилась подтверждения, теперь оставалось закончить заключение.

Я слушал и вдруг понял, что у неё тоже есть вчерашние сомнения, утренние решения и удовольствие от найденного ответа. Просто они не гремят во дворе и не пахнут горячим железом.

— Покажешь, когда закончишь?

— Если заказчик разрешит. Чужие документы. О работе расскажу и так.

Я кивнул. Она подтянула к себе хлеб и продолжила. В этот вечер конверт так и остался без моего цеха. Утром он понадобился ей по прямому назначению.

Глава 5. Человек для Фёдора

У Руднева были свои ключи, завёрнутые в полотняную тряпицу. Он разложил их перед собой, а поверх положил документ, словно показывал два равноправных основания для разговора.

— Работать умею. Обещания слушал. Платите когда?

Я предложил сесть. Он посмотрел на невысокий стул, подумал и остался стоять. Был лет сорока, с рыжеватой бородой и тяжёлыми веками. На щеке — старая тонкая царапина. Ни почтения перед молодым хозяином, ни желания нарочно показать отсутствие почтения.

— По согласованным срокам, — сказал я. — Месячную плату обсудим после пробы. Сегодняшняя работа оплачивается отдельно, независимо от того, договоримся ли дальше.

— Сколько?

— Три рубля за день. Если не сможем дать полный день, не ваша потеря.

Он обдумал, кивнул.

— А чего делать?

Савельев позвал Фёдора. Тот появился с рисунком и остановился у порога, увидев разложенные инструменты. Я представил их. Руднев назвал себя Егором Семёновичем, Фёдор ответил именем и тут же показал, что подготовлено.

Проба не была замаскированным бесплатным изготовлением партии. Следовало собрать определённую часть узла из годных деталей, проверить доступ, отметить вопросы. Приёмку оставили за мастером. Своими инструментами пользоваться можно было после осмотра: чужой сорванный ключ не становился хорошим оттого, что много лет кормил хозяина.

Руднев выслушал, взял рисунок.

— Эти места чем держать?

Фёдор показал приготовленные опоры.

— И это каждый раз сюда ставить?

— Здесь пробный вариант. Постоянное место будет в другом помещении.

— Где?

Я кивнул на склад. Лицо Руднева осталось спокойным, но мне захотелось немедленно объяснить, каким тёплым и просторным он станет. Человек ещё не взялся за работу, а я уже собирался расплатиться картинкой.

— Сначала эту подготовку смотрим, — сказал Савельев.

И увёл обоих к столу.

* * *

Через час они спорили.

Я услышал голоса из конторы и вышел, заранее приготовившись произнести несколько полезных слов о дисциплине. Оказалось, спор шёл тихо и предметно. Руднев стоял с деталью в руках, Фёдор показывал ему последовательность.

— Здесь приняли, потом снимаем, переставляем и повторяем, — сказал парень.

— Зачем снимать?

— Так проверено.

— Чем хуже оставить? Рукой сюда пройти можно. Меру приложить можно. А как переставишь, опять место ловишь.

— Я не просто так записал.

Руднев посмотрел на его тетрадь. Осторожно положил деталь и вытер руки.

— Я тоже не просто так спрашиваю.

Именно в эту паузу я подошёл. Фёдор заметил меня первым и начал объяснять. Я попросил повторить с начала, не обращаясь пока ко мне.

Он показал исходную операцию. После августовской переделки необходимость сохранить взаимное положение частей перестала быть отвлечённой фразой. Поэтому одну проверку он перенёс в новый лист целиком, вместе с удобной ему последовательностью снятия и установки. В старом тесном месте это имело смысл: руке и инструменту мешала соседняя опора. На нынешней подготовке соседнюю опору уже убрали.

Руднев дождался конца, подвинул своё приспособление.

— Тут не только быстрее. Меньше раз снимать придётся. Если как у вас стоит, нужное всё видно.

Я посмотрел на Савельева, стоявшего рядом.

— Здесь можно проверить, — сказал он. — Размеры и что после открываем — сохранить. Не на словах.

Фёдор покраснел. Я видел, как он одновременно хочет защитить свою работу и понимает, что ему предлагают полезное изменение. Ещё полгода назад он боялся показать старшему мастеру исправленную цифру. Теперь боялся, что его собственную цифру исправят при другом человеке.

— Пройдём оба варианта, — сказал я. — Сам покажешь, где разница.

Он кивнул. Руднев отступил, освобождая ему место. Никакой победной улыбки на его лице не было: день шёл, а работа ещё не закончилась.

К обеду выяснилось, что перестановку можно убрать. Савельев потребовал повторить проверку на следующем доступном сочетании, Фёдор записал условия, Руднев показал, как держать инструмент, чтобы не задевать принятую поверхность. Его замечание не изменило ни геометрии детали, ни требуемого результата. Оно избавляло людей от одного ненужного движения.

Я ушёл из цеха. Произнести подготовленную речь о дисциплине так и не понадобилось.

* * *

После обеда Фёдор пришёл ко мне один.

— Он знает работу, — сказал парень.

— Знает.

— Тогда почему сразу ко мне? Ему с Григорием Петровичем проще.

Я отложил свой лист. За окном плотник разговаривал с возчиком, показывая, куда не следует выгружать доски.

— Старшему мастеру нужна обработка и подготовка. Тебе нужна сборочная смена.

— Если он меня старше вдвое, слушать будет?

— Тебя назначаем работу вести. Слушать придётся по этой работе. Но хороший вопрос от возраста хуже не становится.

— Это я понял.

Он произнёс слишком быстро. Я подождал. Фёдор провёл пальцем по краю стола.

— Мне людей дадут? По-настоящему. А то я назначу, потом другой позовёт, а отвечать мне.

Вопрос был точным. Я мог сразу пригласить Савельева, разложить пересечения и записать, что меняем в старом порядке. Вместо этого увидел сегодняшнюю занятость мастера и очень убедительно решил, что сначала надо получить заказ.

— Дадим. Руднев и помощники по согласованной работе. После подписи окончательно назначим.

— А если срочное?

— Будем вместе решать.

Он кивнул. Мне показалось, что ответил достаточно ясно.

Плату обсудили отдельно. Восемьдесят за нынешний круг сохранялись. При начале новой сборочной смены и принятии руководства — сто рублей в месяц, с указанного дня,

без обещаний потом догнать пропущенную прибавку. Фёдор несколько раз переспросил, что именно входит в новое назначение. Я отвечал охотно. Нам обоим было легче говорить о прибавке и явных обязанностях, чем о том, кто в неудобную минуту получит последнее слово.

Уходя, он задержался у двери.

— Сегодня я на него зря сразу…

— Что сказал ему?

— Что так принято.

Я усмехнулся.

— Хорошая фраза. Сам многим жизнь испортил.

Фёдор тоже улыбнулся и ушёл.

* * *

Руднев закончил к пяти. Показал выполненное Григорию Петровичу, убрал свои ключи и попросил подтвердить время, в которое должен прийти завтра, если договоримся. Не в понедельник, не когда найдётся свободная минута. Завтра.

Софья отсчитала три рубля и дала расписаться. Он расписался крупно, без старательных завитков.

— Девяносто в месяц, — сказал он, когда сели обсуждать постоянную работу. — За отдельные выезды не в них. Ночью, если потребуется, оговаривать. Дома тоже люди.

— Здесь руководит Фёдор, — сказал я. — По сборочной смене.

— Сегодня уже понял.

— Возражения по способу показывать ему. Если вопрос не закрыли, к старшему мастеру. Самовольно менять принятое не надо.

— Я менять не тороплюсь. Я тороплюсь зря не снимать.

Савельев хмыкнул. Мы согласовали плату, срок начала и пробный период с конкретным днём решения. Руднев рассказал, где работал прежде: разъездная ремонтная бригада, потом мастерская, которая задержала деньги. Уйти решил после второго обещания расплатиться через неделю. Он говорил без злобы, будто называл повреждение подшипника, с которым дальше работать нельзя.

— С Дорониным работали? — спросил я.

— Делал им одно через прежнего хозяина. Хорошая мастерская. Чего?

— Мы с ними за покупателя спорим.

— А мне собирать надо. За покупателя вы спорьте.

Слова могли прозвучать грубо. Но в них было ровно то разделение, которого мне иногда не хватало в собственных мыслях. Человек не нанимался быть верным участником всех моих обид.

Когда он ушёл, Софья закрыла расходную книгу.

— Доверяешь?

— Его сегодняшней работе — да. Дальше посмотрим.

— А Фёдору?

— Да.

Она посмотрела на меня поверх книги.

— Тогда завтра не начни объяснять Рудневу всё по-другому, минуя Фёдора.

Я собирался заверить, что не сделаю такой очевидной глупости. На улице Савельев позвал рабочего, и мы оба услышали, как тот ответил: «Мне Иван Алексеевич другое велели».

Я встал. Нужно было выяснить, какое именно распоряжение я уже успел оставить человеку вместо общего решения.

Глава 6. Тридцать тысяч

Тридцать тысяч на бумаге занимали меньше места, чем письмо об обследовании. Я положил предложение перед Вяземским и несколько секунд смотрел, как он читает первую строку.

— Как я и предполагал, — сказал он.

— Вы предполагали многое. Здесь полный состав.

Он не обиделся. Придвинул второй лист, сравнил итог с запиской, которую держал в своей папке. Лобанов сидел сбоку. Рядом с ним Фёдор вертел между пальцами карандаш и старался не касаться чистым рукавом края стола. Мы с Софьей и Фёдором приехали в артель десятого октября закончить предложение; теперь наступило одиннадцатое, и вчерашние вопросы превратились в решение пайщиков.

— Тысяча двести сверху, — сказал Вяземский.

— По сравнению с другой машиной.

— Воду она тоже качает.

— Да. Давайте сравним, что нужно вашему хозяйству после приёмки.

Я попросил Лобанова показать принятый запас. На столе появились два одинаковых по виду кольца, небольшой крепёж и запись выдачи. Вместе с новой партией артель получала два согласованных комплекта, а существующие три машины сохраняли своё обслуживание. Не всё становилось общим без проверки. Там, где исполнение и применимость совпадали, мы могли заранее показать доступную замену и дать точное обозначение. Там, где не совпадали, честно оставляли отдельную строку.

Фёдор заговорил сначала слишком быстро. Потом Лобанов попросил повторить, и парень расправил свой лист.

— Вот эти части местный слесарь уже менял. Здесь новый инструмент не нужен. По новому месту пройдём обучение, но человек начинает с известной операции. А вот эта принадлежность наша выездная, в собственность не входит.

Вяземский ткнул пальцем в цену.

— Я не прошу показать, за что вообще платим. Я спрашиваю, почему на тысячу двести больше.

— Потому что меньшую цену при этом составе и времени мы не подтвердили, — сказал я.

В комнате стало тише. Мне хотелось привести ещё пять доводов, сказать, что всё наше лучше, а чужое однажды подведёт. Но Вяземский видел другой завод и мог спросить, откуда я знаю его будущее.

Лобанов развернул свой перечень местной работы.

— У нас три старые остаются. Мой человек на них обучен. С другой машиной здесь ещё одна подготовка и другой запас. Я её не бракую. Я считаю своё время. И если вы мне людей на обучение не дадите, водоотлив сам не начнётся.

— Людей дадим, — сказал Вяземский.

— Тогда это тоже затрата. Не вся в поставщицкой цене стоит.

Управляющий некоторое время молчал. Потом попросил нас выйти с Фёдором на десять минут. Софья осталась по его просьбе уточнить порядок оплат, Лобанов — вопросы своего хозяйства.

В коридоре парень выдохнул так, будто всю встречу держал в груди лишний воздух.

— Он ведь может не взять.

— Может.

— Даже если всё объясним.

Я кивнул. На подоконнике стоял горшок с подсохшей землёй. Кто-то всунул в неё пустую спичку вместо маленького растения. Фёдор посмотрел на неё и засмеялся.

— Тут тоже резерв приготовили.

Я улыбнулся. Шутка помогла ему перестать смотреть на закрытую дверь.

Нас позвали не через десять, а через семнадцать минут. Я успел несколько раз решить, что это хороший признак, и столько же — что плохой.

— Берём ваше предложение, — сказал Вяземский. — Теперь про то, что будете делать, если срока не выдержите.

* * *

Аванс составлял девять тысяч. После заводской готовности каждой тройки — четыре тысячи пятьсот. После ввода и местной приёмки каждого комплекта — шесть тысяч. В сумме получались тридцать тысяч, которых у нас пока не было и которые было очень опасно считать заработанными.

Софья разложила календарь. Первая заводская приёмка — второго ноября. Вторая — девятнадцатого. Для доставки, местной работы и общего завершения оставалось время до конца месяца. Покупатель готовил принятые площадки и пути, назначал людей, обеспечивал свой привод и сохранял действующий водоотлив, пока новая установка не подтверждена. Превращать наше прибытие в повод разобрать старое заранее Лобанов не позволил сам.

— У нас начало работы нового участка к декабрю, — сказал Вяземский. — В декабре мне ваша прекрасная заводская ведомость без воды не поможет.

Я подтвердил. Он предложил скидку в триста рублей при неподтверждённой готовности первой очереди в назначенный день. Если к пятому ноября полный комплект всё ещё не принят, артель могла пересмотреть оставшуюся поставку с передачей второй тройки другому изготовителю. Исполненную работу и неизрасходованную часть аванса при этом разбирали отдельно по согласованным основаниям.

От этих слов девятитысячный аванс перестал выглядеть подарком.

— Осмотр для предъявления кто ведёт? — спросил я.

— Фомин по согласованной проверке. Со стороны артели мой уполномоченный и Лобанов, если сможет приехать.

— Оплату принятого заводского этапа не задерживать из-за других работ на участке.

Софья показала строку. Мы исправили её так, чтобы невозможность ввода по вине местной неподготовленности не отменяла уже принятого заводского этапа. Вяземский согласился, но тут же потребовал такого же точного основания на случай нашей задержки.

Я видел, как Фёдор снова сжал карандаш. За право получать деньги вовремя нам предлагали одинаково ясно отвечать за собственное опоздание. Это было справедливо и оттого особенно неприятно.

— Скидку удержите из первого местного расчёта, если возникнет основание, — сказала Софья. — Чтобы не менять задним числом уже установленную долю заводского этапа. Сумму и событие назовём здесь.

Она проговорила условия ещё раз. Я прочитал медленно. В прежней жизни мне часто приносили бумаги на подпись с объяснением, что всё это уже согласовано. Сейчас согласовавший сидел в моём пиджаке и тоже хотел поскорее перейти к изготовлению.

— Григорий Петрович должен подтвердить сроки, — сказал я. — У него исходный календарь. Я подписываю после его окончательной записи по обработке.

Вяземский откинулся на спинку стула.

— Вы хозяин. А дату мне ваш мастер ставит?

— Хозяин за неё отвечает. Поэтому хочу, чтобы работающий человек её видел до подписи.

Он смотрел на меня несколько секунд. Потом разрешил отправить краткое сообщение в Беловск. Предварительный календарь мастер уже проверял; уточнения были небольшими, но мне теперь хотелось получить их до того, как изготовление станет нашей обязанностью.

Ответ пришёл к вечеру. Мы прочли его вместе с Фёдором. По доступным операциям, закупкам и первому выпуску срок подтверждался при принятой последовательности и выделенных людях. Закрытую строительную часть следовало окончательно решить отдельно; возможность временно собрать первые машины в прежнем помещении сохраняли, не считая её бесплатной.

Я поставил подпись.

Вяземский поднялся, пожал мне руку, затем Фёдору.

— Теперь у нас будет девять ваших. Не заставляйте пожалеть, что ещё один тип не взяли.

Парень ответил, что подготовит положенное. Я был благодарен, что он не пообещал вовсе исключить возможность любой неприятности.

* * *

В Беловск вернулись на следующий день. Подтверждение аванса пришло позже нас, и это короткое ожидание оказалось полезнее многих осторожных речей. Савельев не разрешил начать те операции по чужим закупкам, которые требовали окончательного подтверждения денег. Доступную обычную работу продолжили.

Когда девять тысяч поступили, Софья вызвала нас в контору. Показала расход по очередям. Материал и отливки заказывали с определённой оплатой и датой. Освобождение склада и необходимое устройство входили в свой предел. Зарплата, октябрьский банк и прежние обязательства не растворялись в новом авансе.

Руднев слушал у двери. Я позвал его ближе и сообщил день начала сборочной смены и ставку, которую согласовали. Фёдор стоял рядом. Савельев попросил сначала закончить текущую тяжёлую установку, после чего человек мог переходить к подготовке.

— Всё-таки приняли? — спросил Руднев, глядя на письмо.

— Приняли, — сказал я.

Он кивнул и спросил, где взять нужное дерево для первой подготовки. У него радость выражалась в желании наконец приступить к определённой работе.

Я вышел во двор. На холодном складе сняли с петель старую перекошенную дверь. Изнутри донёсся голос Мити: он нашёл ящик без записи и требовал Корнеева посмотреть, что в нём. Носить Петру не предлагал, собирался принести содержимое сам.

У ворот стояла подвода плотника. Пахло свежими досками. Я оглянулся на старый корпус, где работали станки, и поймал себя на том, что впервые за осень хочу не поскорее увидеть готовое помещение, а посмотреть, как его сегодня будут делать.

Савельев остановился рядом.

— Тридцать тысяч, — сказал он негромко.

— Пока девять.

— Вот я и думаю, когда вы вспомните.

Он улыбнулся, хлопнул по дверному косяку и пошёл позвать людей к разборке. Я помог освободить доску, которую прижало колесом повозки, и отнёс её к стене. Доска была длинной и неприятно скользкой. Счастье от нового заказа не делало её легче.

Глава 7. Цена свободного места

Ящик, который Митя торжественно объявил неизвестным, содержал крепёж. Несколько разных размеров, промасленную тряпку и нижнюю половину сломанного карандаша. Корнеев попросил ничего не ссыпать вместе.

— Вместе уже лежит, — заметил мальчишка.

— Поэтому и не надо ещё лучше делать.

Он сидел у конторской двери. Дождь перестал, из-под навеса к нему по очереди приносили содержимое старых полок. Сам идти по неровному полу Пётр не собирался; ногу и так тянуло после дороги от дома. Я попросил дать ему другую скамью и получил довольно сердитый взгляд.

— Сам скажу, когда неудобно.

— Скажи. А эта качается.

Он осторожно покачнулся, посмотрел вниз и разрешил заменить. Самочувствие человека и исправность скамьи удалось развести без нового спора.

Пустое помещение оказалось дорогой вещью. Чтобы его получить, нужно было найти место всему, что прежде позволялось просто складывать в тёмный угол. Неопознанное железо занимало одну кучу, проверенное — другую, годное дерево — третью. Возле каждой кучи стоял человек, которому платили за время и которого я ещё утром считал доступным для обычной работы.

Савельев запретил передвигать тяжёлые предметы через действующий привод. Пришлось назначить короткую остановку, подготовить путь и за один раз вынести то, что мешало. В прежней жизни я подписал бы наряд на такую операцию между двумя совещаниями. Здесь стоял у верстака, видел всех участников и очень старался не добавлять им срочных поручений по дороге.

Руднев нёс один конец бруса, Фёдор — другой. У дверей они остановились. Старый порог мешал пронести тяжесть ровно.

— Его всё равно менять, — сказал Руднев.

— После того, как вынесем, — ответил Фёдор.

Я подошёл посмотреть. Можно было сейчас заняться порогом и оставить людей стоять с брусом. Можно — опустить, нарушить последовательность и потерять назначенную остановку. Мастер велел подложить приготовленное и закончить перенос. Порог внесли в ближайшую плотницкую работу.

Полчаса спустя ремни снова пошли. Я видел, как Павел вернулся к своей детали и проверил закрепление, прежде чем продолжать. Выигранный проход не требовал забывать, где остановил станок.

У склада остался свободный прямоугольник. Не такой большой, как в моей голове, но настоящий.

— Вот сюда основание, — сказал Фёдор.

— Здесь пока не ставить, — напомнил плотник. — Под полом ещё посмотрим.

Парень убрал верёвку. Готовое место немедленно оказалось очередью работ. Я начинал понимать, почему в просторном цехе Доронина работа шла так спокойно: кто-то до меня уже заплатил за его неудобные дни.

* * *

Мокшин появился после обеда. Привёз небольшую принадлежность к своему станку, которую нашёл при разборке мастерской. Завернул её в старую газетную бумагу, помеченную хозяйственным карандашом.

— Павлу покажите. Меньше мучиться будет с одной установкой.

Савельев позвал Павла. Они примерили, поговорили о допустимой работе и только потом зашли в контору. Я предложил Мокшину сесть. Он опустился осторожно, вытянул ноги.

— Брат как? — спросил я.

— Получше. Работу обратно всё равно не потянем. Он пока надеется, а я больше по лестнице ходить не хочу.

Он осмотрел лежавшие у меня счета на дерево.

— Цех затеяли?

— Под сборку и проверку.

— Видел. Пётр у вас железо считает так, что у каждого гвоздя будто своё имя.

Мокшин усмехнулся. Потом назвал цену станка — четыре тысячи восемьсот рублей. Обеспечительные шестьсот при покупке можно было зачесть по отдельному соглашению, если состояние и передача подтверждены. Прежнюю аренду он в цену не включал.

Четыре тысячи двести к доплате. Я посмотрел на окно, за которым Павел стоял у машины. Собственный большой токарный уже не пришлось бы каждый месяц называть чужим.

— Подумаете?

— Посчитаю.

Софья принесла текущий лист. Я сам сложил покупку, переустройство, материалы и обязательные деньги. Цифры не поссорились между собой. Они просто не поместились в ту сумму, которую мы могли сейчас потратить.

— Аванс есть, — заметил Мокшин.

— На изготовление принятого заказа. Не хочу из этих оборотных денег сразу и станок выкупать, и цех переустраивать.

Он посмотрел внимательнее, потом кивнул.

— Мне сразу всё и не надо. Но за обещание потом я сейчас собственность тоже не отдам.

— И не прошу. Аренду продолжаем по прежним условиям. К выкупу вернёмся после завершения поставки и расчёта следующего месяца.

Разочарование никуда не делось. Я мог легко объяснить окружающим, что важнее устроить выпуск, чем поскорее получить право на железо. Самому хотелось обоих достижений сразу.

Мокшин поднялся, подошёл к окну.

— Павел стал увереннее.

— Учится.

— Вижу. Только за уходом смотрите. Когда всем нужен новый цех, старому станку масла иногда меньше достаётся.

Мы вышли вместе. Он показал Павлу найденную принадлежность ещё раз и велел сообщить, если будет вопрос. Уезжая, посмотрел на снятую дверь склада.

— Не слишком красивую новую ставьте. Моя крашеная через неделю разбухла. Потом рубанком всю красоту сняли.

Плотник услышал и начал объяснять, какое дерево нужно брать. Мокшин возразил. Они с такой серьёзностью спорили о двери, что я наконец перестал смотреть на токарный как на упущенное счастье и пошёл разбирать оставшуюся работу.

* * *

Письма в тот день мне никто не прислал. Я сам достал своё старое письмо детям, пока ждал Софьи вечером. Она задержалась по внешней сверке, заранее сказала об этом утром. В шкафу рядом лежали её записи и мой дорожный календарь. Личные листы я теперь держал отдельно.

На бумаге стояли знакомые имена. Я не стал продолжать предыдущий рассказ о свадьбе. Написал коротко: «Сегодня решил не покупать станок. Представляю, как Лена спросила бы, почему я торжественно сообщаю о вещи, которой не сделал».

Вспомнил её голос. В памяти он прозвучал неожиданно ясно — смешливый, немного нетерпеливый. Не укор за новую жену и не вопрос о том, почему я здесь радуюсь. Просто голос дочери, которая никогда не давала мне слишком долго объяснять простую домашнюю покупку производственной необходимостью.

Я посидел, не двигая пером. Потом добавил: «У меня теперь есть человек, который задаёт почти такой же вопрос. Она очень сама по себе. Вам было бы о чём поговорить».

Дальше писать не смог. Сложил лист, убрал. За дверью раздались шаги Софьи.

— Ты дома? — спросила она, будто кто-то ещё мог забыть снять мои ботинки посреди комнаты.

— Дома.

Она вошла, сняла шляпку и провела ладонью по волосам. На запястье осталась тонкая полоска от края перчатки. Я подошёл, поцеловал её и забрал сумку после того, как она сама отпустила ручку.

— Устала?

— Да. Зато закончила одну часть. Завтра остальные подтверждения. А у тебя?

— Не купил станок.

Софья посмотрела на меня, затем засмеялась.

— Поздравить?

Я рассмеялся вместе с ней. Письмо в ящике вдруг стало меньше похоже на попытку разговаривать с пустотой.

За ужином я рассказал о Мокшине и проходе. Потом сам спросил, что она сделала сегодня. У неё было несколько смешных историй о чужих объяснениях. Самая короткая принадлежала человеку, который оправдывал двойную перевозку тем, что «лошадь ведь туда и обратно ходила».

Мы долго смеялись. После еды Софья захотела достать рисунок. Я успел разложить на общем столе две складские схемы и ещё один перечень.

Она остановилась с бумагой в руках.

— Иван. У нас здесь уже цех или ещё комната?

Я посмотрел на занятый стол. Схемы действительно можно было закончить утром. Им было одинаково удобно лежать на любой гладкой поверхности; её рисунку нужен был свет и время, которое больше ничем не занимали.

Я собрал листы.

— Комната.

Софья дождалась, пока освободится место, и села. Я принёс лампу ближе, но она попросила оставить чуть в стороне: иначе моя голова будет заслонять весь свет. Пришлось устроиться напротив.

Она рисовала контур чайника. Я сидел, слушал, как шуршит карандаш, и пытался вспомнить, когда последний раз не держал в руках ни собственного рабочего листа, ни чужого подтверждения. В конце концов взял книгу.

Через некоторое время Софья показала рисунок. У чайника получился слегка сердитый носик. Я сказал об этом. Она посмотрела ещё раз и засмеялась так громко, что снизу хозяйка постучала ложкой по чашке — не с упрёком, а как будто тоже просила показать.

Глава 8. Два хозяина одной смены

Первым днём новой сборочной смены оказалось четырнадцатое октября. Помещения у неё ещё не было. Люди были.

Фёдор поставил возле своего стола Руднева, Антона и Ефима, разложил подготовку и начал объяснять ближайшие операции. Антон прежде помогал в механическом помещении, Ефим больше занимался перемещением и очисткой. Теперь каждому выделили определённую часть работы, которую надо было освоить до первых корпусов.

— Я записи не быстро делаю, — предупредил Ефим.

— Быстро не надо. Чтобы потом прочёл.

— Я прочту.

— А я?

Он посмотрел на Фёдора, подумал и придвинул лист ближе к свету. Руднев сдержал улыбку. Фёдор заметил и попросил его показать, как будет подготовленное принимать. Через пять минут люди уже спрашивали по делу, забыв про моё присутствие.

Я отошёл. Вчера казалось, что новая смена начнётся с моего объявления. Началась с чужого вопроса о почерке, и это было вполне разумно.

К десяти приехала оплаченная заготовка для обычного ремонта. Длинная, неудобная при установке, требующая второго опытного человека. Савельев позвал меня, показал закрепление.

— Здесь Руднев пригодится. Он такую заготовку уже ставил. Антон с этой работой ещё не знаком.

— На сколько?

— Подготовка и установка. Потом сам продолжу. До обеда отпущу.

В сборочной части шла подготовка небольших приспособлений. Я видел людей у стола, слышал стук и вполне убедительно решил, что до обеда они справятся без старшего слесаря.

— Забирайте. Фёдору скажите, что до обеда вернётся.

Савельев кивнул и пошёл. Я вернулся к письму поставщику. Его вопрос о предоплате не мог подождать, пока мы все ещё раз построимся у общего календаря.

Через полчаса пришёл Фёдор. Попросил Павла показать помощнику сверлильную часть подготовки. Сам он раньше обещал быть рядом, но теперь занимался замечанием плотника по будущему месту установки.

— Павел свободен?

— На своей детали сейчас заканчивает. С мастером согласуй.

— Мастер на установке. Павел сказал, как снимет, может.

Я посмотрел на часы. Знал, что обычная партия к концу недели, и не увидел беды в небольшом переносе.

— После снятия пусть идёт. На пару часов.

Фёдор ушёл. Только к обеду выяснилось, что мастер как раз рассчитывал на Павла после снятия: тот должен был закончить другую часть, пока длинная заготовка оставалась в тяжёлом закреплении.

Ничего страшного не произошло. Никого не ударило, металл не испортился. Просто одна дорогая операция ждала вторую, а Руднев, которого собирались отпустить до обеда, оставался возле неё. В сборке Антон стоял с вопросом, на который назначенный опытный человек не мог сейчас ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.